

УСТАВНЫЕ ЧТЕНИЯ ВЕЛИКОЙ СРЕДЫ

1. После кафизм утрени

Свт. Иоанн Златоуст,

*Беседа 80-я на Евангелие от
Матфея*

«Когда же Иисус был в Вифании, в
доме Симона прокаженного,
приступила к Нему женщина с
алавастровым сосудом мира
драгоценного
и возливала Ему возлежащему на
голову».

(Матф. 24:32–33)

1. Жена эта, по-видимому, есть одна и та же у всех евангелистов; в действительности же не так, но у трех евангелистов, мне кажется, говорится об одной и той же; у Иоанна же — о другой некоторой чудной жене, сестре Лазаря. Не без цели евангелист упомянул и о прокаже Симона, но для того, чтобы показать, почему жена с дерзновением приступила к Иисусу. Так как проказа считалась болезнью крайне нечистою и гнусною, а между тем она видела, что Иисус исцелил человека (иначе Он не захотел бы остаться у прокаженного), и возлежал у него, то она возымела надежду, что Иисус легко очистит и

душевную ее нечистоту. Не без причины также евангелист упомянул и о городе Вифании, но для того, дабы ты знал, что Христос добровольно идет на страдание. Прежде Он удалялся от иудеев; теперь же, когда особенно воспламенилась их ненависть, Он проходит близ их, на расстоянии стадий пятнадцати. Таким образом, и прежнее удаление Его было делом домостроительства. Итак, жена, увидев Его и получив вследствие этого дерзновение, приступила к Нему. И если жена кровоточивая и не сознававшая ничего подобного, так как нечистота ее была от природы, со страхом и трепетом приступила, то

тем больший страх и стыд надлежало иметь этой жене, по причине нечистоты ее совести. Поэтому и приступает она после жены самарянской, хананейской, кровоточивой и других весьма многих жен, так как сознавала в себе великую нечистоту; и приступает не всенародно, но в доме. И в то время, как все прочие жены приходили только за получением исцеления телесного, она пришла исключительно за тем, чтобы воздать честь Иисусу, и получить душевное исцеление. Она не имела никакого повреждения в теле, и потому особенно всякий должен ей удивляться. И не как к простому

человеку подходит она к Иисусу, — иначе не отерла бы своими власами ног Его, — но как к такому лицу, которое выше человека. Поэтому и принесла к ногам Христовым главу свою, — часть тела, которая драгоценнее всего тела. «Увидев это, ученики Его вознегодовали и говорили: к чему такая трата? Ибо можно было бы продать это миро за большую цену и дать нищим. Но Иисус, уразумев сие, сказал им: что смущаете женщину? она доброе дело сделала для Меня: ибо нищих всегда имеете с собою, а Меня не всегда имеете; возлив миро сие на тело Мое, она приготовила Меня к погребению; истинно говорю вам: где ни будет

проповедано Евангелие сие в целом мире, сказано будет в память ее и о том, что она сделала» (Мф. 26:8–13). Откуда родилась в учениках эта мысль? Они слышали, как Учитель говорил: «Милости хочу, а не жертвы» (Ос. 6:6), и порицал иудеев за то, что они оставляли важнейшее — «суд, милость и веру» [ср. Мф. 23:23], как на горе рассуждал с ними о милостыне, и из всего этого выводили заключение и рассуждали друг с другом: если он не допускает всесожжений и древнего богослужения, то тем менее допустит помазание елеем. Но так думали ученики, Иисус же, видя мысли жены, попускает ей

приблизиться. И, так как благоговение ее было велико и усердие невыразимо, то Он, по величайшему снисхождению Своему, позволил ей излить миро и на главу Свою. Если Он не отказался соделаться человеком, быть носимым во чреве, питаться молоком, то чему удивляться, если и этого не отвергает? Как Отец Его принимал курение и дым, так и Он принял блудницу, одобряя, как я прежде сказал, ее расположение. Елеем Иаков помазал столп в жертву Богу (Быт. 28:18); елей приносим был в жертвах (Лев. 2:4); елеем помазуемы были и священники (Лев.8:10). Но ученики, не зная мыслей жены,

неуместно укоряли ее, и в самом обвинении указали на щедрость жены. Сказав, что его можно было бы продать за триста динариев (Мк. 14:5; Ин. 12:5), они показали, сколько она истратила на миро, и какую обнаружила щедрость. Поэтому Христос и упрекает их, говоря: «Что смущаете женщину»? И указывает далее причину, желая снова напомнить им о Своем страдании: «Она приготовила, — говорит,— Меня к погребению». Приводит также и другую причину: «Ибо нищих всегда имеете с собою, а Меня не всегда имеете»; и: «Где ни будет проповедано Евангелие сие..., сказано будет... что она сделала»

(Мф. 26:11, 13). Видишь ли, как Христос предвозвещает ученикам исшествие их к народам, и таким образом утешает их при мысли о смерти, указывая на то, что после крестной смерти откроется такая сила, что проповедь распространится повсюду. Итак, какой несчастный будет противоречить столь очевидной истине? Вот исполнилось то, что Христос предсказал, и куда ни пойдешь во вселенной, везде увидишь, что возвещают и об этой жене, хотя она не знаменита, не имела многих свидетелей, была не на зрелище, но в доме, и притом в доме некоего прокаженного, в присутствии одних только учеников

Христовых.

2. Кто ж это возвестил и проповедал? Сила Того, Кто предсказал это. Умолчано о подвигах бесчисленных царей и полководцев, которых памятники еще сохраняются; неизвестны ни по слуху, ни по имени те, которые построили города, соорудили стены, одержали победы на войнах, воздвигли трофеи, покорили многие народы, хотя они и поставили статуи и издали законы; но то, что жена блудница излила елей в доме некоторого прокаженного в присутствии десяти мужей, все воспевают во вселенной. Прошло столько времени, а память об этом происшествии не

истребила; и персы, и индийцы, и скифы, и фракияне, сарматы, и племя мавров, и жители Британских островов повествуют о том, что сделала жена блудница в Иудее — тайно, в доме. Велико человеколюбие Господа! Он принимает блудницу, блудницу, лобызавшую ноги, возливавшую елей и отиравшую власами, принимает и упрекает тех, которые обвиняют ее. В самом деле, не надлежало приводить в смущение жену за такое ее усердие. Обрати внимание и на то, как высоки были ученики и усердны к подаванию милостыни. Но для чего Христос не просто сказал: доброе дело сделала;

а сказал прежде: «Что смущаете женщину»? Для того, дабы они знали, что не надобно требовать с самого начала высоких дел от немощных людей. Поэтому-то Он и рассматривает дело не просто, каково оно само в себе, но по отношению к лицу жены. Если бы Он давал закон, то не упомянул бы о жене; но чтобы ты знал, что для нее это сказано с тою целью, чтобы ученики не истребили возникающей ее веры, а еще более возбудили; для этого Он говорит вышеупомянутые слова, научая нас тому, чтобы мы принимали, одобряли и возводили к большему совершенству доброе дело, кем бы оно ни было сделано, и

каково бы оно ни было, и не требовали полного совершенства в самом его начале. Что Христос и сам особенно желал этого, видно из того, что Он, не имевший где главу приклонить, повелел носить денежный ящик. Но теперь время не требовало исправления поступка, а только принятия его. Как прежде этого поступка жены Он не произнес бы такого мнения, если бы кто спросил Его, так и после того, как жена совершила его, Он имеет в виду только то, чтобы она не приведена была в смущение порицанием учеников, но удалилась от Него, сделавшись усерднее и лучше чрез служение Ему. После возлияния елея

порицание их было уже неуместно. Так и ты, если увидишь, что кто-нибудь сделал и приносит священные сосуды, или заботится о другом каком-нибудь украшении церковном, касающемся стен и пола, — не позволяй продавать или истреблять то, что сделано, чтобы не ослабить его усердия. Если же кто прежде, чем сделать, скажет тебе о своем намерении, то вели раздать нищим, так как и сам Иисус сделал это для того, чтобы не ослабить усердия жены, и все, что ни говорит, говорит в утешение ее. Далее — когда сказал: «Она приготовила Меня к погребению», то чтобы не показалось, что Он приводит в

смущение жену, упомянув о таком предмете, то есть, гробе и смерти, смотри как опять укрепляет ее, говоря: во всем мире «сказано будет..., что она сделала». Это служило и для учеников увещанием, и для жены утешением и похвалою. Все, говорит Он, прославят ее впоследствии, и теперь она предвозвестила страдание, принеся необходимое для погребения. Поэтому никто пусть не порицает ее. Я настолько далек от того, чтобы осуждать ее, как бы за худой поступок, или укорять, как бы за неправое дело, что даже не попусти остаться в неизвестности случившемуся, и сделаю то, что мир

узнает о поступке, совершенном в доме и втайне, так как этот поступок происходил от благоговейной мысли, теплой веры и сокрушенного сердца. Но для чего Христос обещал жене не духовное что-нибудь, а всегдашнюю о ней память? Для того, чтобы чрез это вселить в ней надежду на получение духовных благ. Если она сделала доброе дело, то, очевидно, и получит достойную награду. «Тогда один из двенадцати, называемый Иуда Искариот, пошел к первосвященникам и сказал: что вы дадите мне, и я вам предам Его?» (Мф. 26:14–15). "Тогда". Когда же? Когда Христос говорил это, когда сказал: «к погребению». Иуда не

тронулся этим и не убоился, когда услышал, что Евангелие будет проповедано повсюду (а сказанное заключало в себе невыразимую силу); тогда как жены, и жены блудницы, оказывали такую честь Иисусу, он совершал дьявольское дело. Почему же евангелисты говорят о его именовании? Потому что был другой Иуда. Без опасения они говорят и то, что Иуда был из числа двенадцати. Таким образом, они не скрывают ничего, что кажется постыдным. Можно было бы сказать просто: был некто из учеников Христовых, — потому что были и другие. Теперь же они прибавляют: от обоюнадесяте, и как бы говорят:

из первого лика, из числа лучших, избранных учеников, которые были с Петром и Иоанном. Они старались об одной только истине, о том, чтобы не утаить событий. Поэтому умалчивают о многих знамениях, но не скрывают ничего такого, что кажется постыдным, и смело возвещают о том, хотя бы это было слово или дело, или что другое.

3. И не только первые три евангелиста повествуют об этом, но и сам Иоанн, возвещающий высочайшие тайны. Он более всех говорит о поношениях и поруганиях, претерпенных Иисусом. И смотри, как велика злоба Иуды, когда Он произвольно приступает к

предательству, когда делает это из-за денег, и притом денег столь незначительных. Лука говорит, что он имел совещание с военачальниками (Лк. 22:4). По причине возмущений иудеев, римляне поставляли над ними своих начальников, которые наблюдали за порядком, — потому что власть уже была отнята у иудеев, по пророчеству. Пришедши к этим военачальникам, Иуда сказал: «Что вы дадите мне, и я вам предам Его? Они предложили ему тридцать сребренников; и с того времени он искал удобного случая предать Его» (Мф. 26:15–16), так как он боялся народа, и хотел взять Иисуса наедине. О, безумие! Как ослепило

его совершенно сребролюбие! Несмотря на то, что часто видел, как Иисус проходил среди толпы и не был удерживаем, как являл многие доказательства Своего божества и силы, Иуда думал удержать Его, и несмотря на то, что Иисус столько раз повторял ему и страшные и кроткие слова, чтобы разрушить злой его умысел. Даже и на вечера не переставал заботиться о нем, но до последнего дня беседовал с ним об этом. Но Иуда не получил никакой пользы: несмотря однако на все это Господь не переставал совершать Свое дело. Зная это, и мы неопустительно должны делать все для заблуждающих и беспечных:

увещевать их, учить, утешать, умолять, подавать им советы, хотя бы от этого не получили мы никакой пользы. И Христос предвидел, что предатель не исправится, — однако не переставал с Своей стороны заботиться о нем, увещевать его, угрожать ему, соболезновать о нем, не открыто и явно, но сокровенно. В самое же время предания даже попустил облобызать Себя, — но все это для Иуды было бесполезно. Вот какое великое зло сребролюбие! Оно именно сделало Иуду и святотатцем, и предателем. Услышьте все сребролюбцы, страждущие болезнью Иуды, — услышьте и берегитесь этой страсти. Если тот, кто находился со

Христом, творил чудеса, пользовался таким учением, низвергся в такую бездну от того, что не был свободен от этой болезни, то тем более вы, не слышавшие даже Писания и всегда прилепляющиеся к настоящему, удобно можете быть уловлены этою страстью, если не будете прилагать непрестанного попечения. Иуда ежедневно находился с Тем, Кто не имел, где главы преклонить, ежедневно был научаем делами и словами тому, что не должно иметь ни золота, ни серебра, ни двух одежд, — и при всем том не вразумился. Как же ты надеешься избежать этой болезни, когда не употребляешь сильного врачевания и не прилагаешь

сильного старания? Ужасен, поистине ужасен этот зверь. Впрочем, если захочешь, легко победишь его. Это не есть похоть врожденная, как то доказывают освободившиеся от нее. Естественные влечения всем общи; а эта похоть происходит от одного нерадения; от него рождается, от него возрастает, и когда уловит пристрастных к ней, заставляет их жить противоестественно. В самом деле, когда они не признают единоплеменников, друзей, братьев, сродников, словом — всех, а с ними вместе не знают и самих себя, то не значит ли это жить противоестественно? Отсюда ясно,

что противоестественно и злоба, и болезнь сребролюбия, подвергшись которой, Иуда сделался предателем. Как же он сделался предателем, спросишь ты, когда призван Христом? Бог, призывая к Себе людей, не налагает необходимости, и не делает насилия воле тех, которые не желают избрать добродетели; но увещевает, подает советы, — все делает и всячески старается, чтобы побудить их сделаться добрыми; если же некоторые противятся этому, Он не принуждает. Если ты хочешь узнать, отчего Иуда сделался таким, то найдешь, что он погиб от сребролюбия. Отчего же, спросишь, он уловлен этою страстью? Оттого,

что был беспечен. От беспечности происходят такие перемены, тогда как от ревности происходят перемены противоположные. Сколько, в самом деле, таких, которые были жестокими, а теперь кротче овец? Сколько таких, которые сперва были сладострастными, а после сделались целомудренными? Сколько таких, которые прежде были сребролюбцами, а теперь отвергли и свое собственное имущество? Совершенно противное случилось от беспечности. Так Гиезий жил со святым мужем, и сделался нечестивым от болезни сребролюбия (4Цар.5). Поистине сребролюбие ужаснейшая из всех страстей.

Отсюда расхитители гробниц, отсюда убийцы, отсюда войны и битвы, отсюда всякое зло, какое бы ты ни назвал. И подобный человек везде бывает бесполезен, случится ли ему начальствовать над войском, или управлять народом. И он бывает таким не только в делах общественных, но даже и в частных. Вознамерится ли жениться, — не возьмет добродетельной жены, а возьмет ту, которая всех хуже. Вздумает ли купить дом, — покупает не такой, какой приличен благородному, но такой, который может принести ему большой доход. Захочет ли купить рабов, или что другое, — купит самое худое. Но что

я говорю о его начальстве над войском и народом, о его хозяйстве? Если даже он будет царем, то будет несчастнейшим из всех, погибелью для вселенной, беднейшим из всех. Его состояние будет подобно состоянию какого-нибудь простолюдина; он не будет блага всех почитать своими, но будет считать себя отдельным от всех и, похищая блага у всех, станет думать, что он имеет менее всех. Измеряя настоящие блага желанием будущих, еще не приобретенных благ, он будет считать первые ничтожными в сравнении с последними.

4. Поэтому-то некто сказал: нет ничего беззаконнее сребролюбивого.

Действительно, такой человек и сам себя продает, и делается общим врагом вселенной, когда скорбит, что земля не приносит золота вместо колосьев, и что вместо рудников существуют источники, вместо драгоценных камней — горы; с негодованием смотрит он на плодородие, печалится при виде общего блага, отвращается от всякого дела, чрез которое нельзя приобрести денег; все терпит, когда можно ему получить хотя две малые монеты; ненавидит всех, бедных и богатых: бедных из-за того, как бы они не пришли к нему когда-нибудь просить милостыню; богатых за то, что он не имеет их богатства. Он

думает, что все завладели его имуществом, и как бы всеми обижаемый, негодует на всех. Он не знает довольства и насыщения, он самый несчастнейший из всех. Наоборот, свободный от всего этого, и любящий истинную мудрость, счастливее всех. Добродетельный, будет ли он рабом или пленником, блаженнее всех. Никто не сделает ему зла, хотя бы со всей вселенной стеклись все с оружием и войсками и стали воевать против него. Негодный же и злой человек, и такой, какого мы описали, хотя бы был царем и украшен бесчисленными венцами, может потерпеть от всякого величайшие несчастья. Так

бессильна злоба! Так сильна добродетель! Что же ты печалишься, находясь в бедности? Для чего рыдаешь в праздник? Это время — время празднества. Для чего проливаешь слезы? Бедность составляет для тебя торжество, если только ты благоразумен. Для чего горько плачешь, дитя? Подлинно, такого должно назвать дитятею. Бил ли кто тебя? Что ж? Он сделал тебя чрез это терпеливее. Отнял ли кто у тебя деньги? Отнял излишнее бремя. Лишил ли славы? Опять ты говоришь мне о другом виде свободы. Послушай, как об этом рассуждают язычники; они говорят: ты не претерпел никакого несчастья, если

только не присваиваешь его себе. Отнял ли кто у тебя большой и укрепленный оградами дом? Но вот пред тобою вся земля, общественные здания, — употребляй их, как хочешь, — на увеселение или на пользу. Что приятнее и прекраснее тверди небесной? До каких пор вам быть нищими и бедными? Нельзя быть богатым тому, кто не обогащает душу; равно как нельзя быть нищим тому, кто не беден душою. Если душа могущественнее тела, то ее не может привлечь слабейшее. Но она, будучи могущественна, привлекает к себе не столь могущественное и изменяет его. И сердце, когда получит какую-либо болезнь, то сообщает ее всему

телу, и если бывает повреждено, то разрушает все тело, а если бывает здорово, то сообщает здоровье всему телу. Когда же поврежден какой-либо из прочих членов тела, а сердце бывает здорово, то оно легко истребляет повреждение и в прочих членах. Но чтобы сделать яснее то, что я говорю, скажи мне: какая польза в зеленых ветвях, когда засыхает корень? И какой вред от того, когда верхние листья засыхают, а корень здоров? Так и здесь. Нет никакой пользы в деньгах, когда бедна душа, и нет никакого вреда, когда душа богата. Как же, скажешь ты, душа может быть богата, будучи бедна деньгами? Тогда-то особенно и

может быть богата, — потому что она в это время обыкновенно и богатеет. Если, как мы часто говорили, признаком богатого служит то, что он презирает деньги и ни в чем не нуждается, а бедного, напротив, то, что он нуждается, и если легче презирать деньги в бедности, нежели в богатстве, то очевидно, что бедность особенно делает богатым. Всякому известно, что богатый более желает богатства, нежели бедный, подобно тому, как человек упившийся вином чувствует сильнейшую жажду, чем тот, кто пил с умеренностью. Похоть не такова, чтобы могла быть погашена большим удовлетворением ее, но напротив, от

этого она еще более воспламеняется. Как огонь, чем более получает пищи, тем более свирепствует, так и пристрастие к богатству, чем более получает золота, тем более усиливается. Итак, если желание большего есть признак бедности, а богатый желает большего, то богатый весьма беден. Видишь ли, что душа тогда особенно бывает бедна, когда обогащается, и тогда бывает богата, когда бедна? Если хочешь, чтоб я объяснил это примером, то представь двух человек, из которых один имеет десять тысяч талантов, а другой десять, и отнимем у обоих эти таланты: который из них будет более сожалеть? Тот, который лишился

десяти тысяч. Но он не стал бы более сожалеть, если бы не любил их более; если же он любит более, то более и желает; если же более желает, то более и беден. Мы более всего желаем того, в чем наиболее имеем нужду, так как от нужды происходит желание. Где же довольство, там не может быть желания. Мы тогда особенно томимся жаждою, когда ощущаем нужду в питье. Все это сказано мною для того, чтобы показать, что если мы будем бодрствовать, то никто не может сделать нам вреда, и что не от бедности, а от нас самих бывает нам вред. Поэтому умоляю вас всеми силами истреблять болезнь

сребролюбия, чтобы нам и здесь сделаться богатыми, и насладиться вечными благами, которых да сподобимся все мы благодатию и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, Которому слава во веки веков. Аминь.

2. После кондака и икоса и утрени

Синаксарь во святую и Великую среду

*Та, что на тело Христа
возлила многоценное миро,
Предвосхитила смирну с алоем,*

кои принес Никодим.

Во святую и Великую Среду божественные отцы повелели творить воспоминание о женщине-блуднице, которая помазала Господа миром, потому что это было незадолго до спасительных страданий. Для того установлено совершать теперь ее память, чтобы, по слову Спасителя, везде и всем было возвещено о ее ревностном поступке.

драгоценное миро. [Вспоминать же об этом] определено здесь с тем, чтобы, по слову Спасителя, повсюду и среди всех возвещалось дело величайшего ее усердия. Что же подвигло ее прийти? То, что видела

она Христово сострадание и ко всем благожелательность, в особенности же теперь, когда узнала, что Его привели в дом прокаженного, которого закон предписывал считать нечистым и отлученным от общения. Потому и подумала женщина, что как у того проказы, так и у нее душевный недуг Он прекратит. И вот, когда Господь возлежал за вечерей, она возлила на главу Его миро, ценностью около трехсот динариев, или шестьдесят ассариев, десять номизм и три аргирия. Ученики, в особенности Иуда, принялись ее порицать, но Христос вступился за женщину, повелев, чтобы не препятствовали доброму намерению.

Далее и о погребении Своем упоминает, Иуду от предательства отвращая и женщину чести удостоивая, ибо о благом деле ее будет возвещено по всей вселенной.

Надлежит знать, что хоть и полагают некоторые, будто женщина сия у всех евангелистов та же, это не так. Но у трех, по слову божественного Златоуста, та же она, так и именуемая блудницей, а у Иоанна — нет, но другая некая, а именно, восхищения достойная и честную жизнь проводящая Лазарева сестра Мария, которая, будь она блудницей, не была бы любима Христом.

Из этих женщин Мария за шесть дней до Пасхи, когда Господь

возлежал на вечери в ее доме в Вифании, совершила помазание миром, возливая оное на пречистые Его ноги и отирая их волосами главы своей, воздавая Ему высшую честь и принося миро как Богу. Ибо твердо знала, что и Богу в жертвах елей приносится, и священники помазуются миром, и Иаков в древности помазал елеем столп Божеству. С тем и Ему принесла, как Богу угождая Наставнику за оживление брата. Оттого и награда ей не обещается, да и ропщет при этом только Иуда, как сребролюбец.

Другая же, явная блудница, за два дня до Пасхи, когда Христос еще пребывал в Вифании и, находясь в

доме Симона-прокаженного, подобным же образом возлежал за вечерей, изливает Ему на главу драгоценное миро, о чем повествуют святые Марк и Матфей. На блудницу эту и остальные ученики негодуют, предназначая, несомненно, для милостыни то, что с усердием приготовлено было для Христа. Ей и награда дана — прославление доброго дела ее по всей вселенной.

Итак, одни говорят об одной-единственной женщине, а Златоуст, стало быть, о двух. Есть и утверждающие, что было их три: две — о которых уже сказано [и которые появляются], когда Господне страдание приблизилось вплотную,

третья же прежде тех, и она же, скорее, первая, которая блудницей и грешницей была и совершила это около середины евангельской проповеди. В доме Симона, но не прокаженного, а фарисея, изливала и она миро лишь на ноги Христа, когда только фарисей соблазнился. Этой и награда дается от Спасителя — оставление прегрешений. О ней одной в Евангелии своем божественный Лука [при описании того, что происходило] посреди проповеди Христовой, как сказано было, повествует. Ибо после рассказа об этой блуднице евангелист тотчас прибавляет: «После того Он проходил по городам и селениям,

проповедуя и благовествуя Царствие Божие» (Лк, 8:1), откуда явствует, что это происходило не во время страдания. И вот, из рассмотрения времени, места, лиц и жилищ, Его принимавших, да и самого способа миропомазания представляется, что женщин все же было три: две — блудницы, а третья — Лазарева сестра Мария, сиявшая чистотою жизни. И один дом был Симона-фарисея, другой — Симона-прокаженного в Вифании, третий — сестер Лазаревых Марфы и Марии в той же Вифании. А отсюда, стало быть, можно и то вывести, что для Христа устроены были две вечера, и обе в Вифании. Одна — за шесть

дней до Пасхи в Лазаревом доме, когда ел с Ним и сам Лазарь, как повествует «сын громов» Иоанн в следующих словах: «За шесть дней до Пасхи пришел Иисус в Вифанию, где был Лазарь умерший, которого Он воскресил из мертвых. Там приготовили Ему вечерю, и Марфа служила, и Лазарь был одним из возлежавших с Ним. Мария же, взяв фунт нардового чистого драгоценного мира, помазала ноги Иисуса и отерла волосами своими ноги Его» (Ин. 12:1-3). Другая вечеря устроена Ему за два дня до Пасхи, когда Христос еще находился в Вифании в доме Симона-прокаженного, и когда приступила к Нему блудница,

излившая драгоценное миро, как подробно излагает святой евангелист Матфей, говоря словно от лица Самого Христа ученикам: «Вы знаете, что через два дня будет Пасха» (Мф. 26:2). И чуть далее: «Когда же Иисус был в Вифании, в доме Симона прокаженного, приступила к Нему женщина с алавастровым сосудом мира драгоценного и возливала Ему возлежащему на голову» (Мф. 26:6-7). Согласно с чем и Марк говорит: «Через два дня надлежало быть празднику Пасхи и опресноков... И когда Он был в Вифании, в доме Симона прокаженного, и возлежал, — пришла женщина и так далее»

(Мк. 14:1-3).

Оспаривающие это и утверждающие, что у всех четырех евангелистов Господа помазала миром та же женщина, принимают за одно лицо Симона-фарисея и Симона-прокаженного (кого некоторые считают отцом Лазаря и сестер его Марфы и Марии), и вечерю за одну, и дом, что в Вифании, за один, где была и горница устланная приготовлена, и Тайная вечеря совершилась, но таковые мыслят неправо. Ибо те две вечера устроены для Христа вне Иерусалима, в Вифании, за шесть и за два дня, как уже говорилось, до законной Пасхи, когда и женщины различным

образом миро Христу принесли. А Тайная вечеря и горница устланная приготавливаются внутри города Иерусалима за день до пасхи законной и страдания Христова, и по мнению одних — в доме человека неизвестного, по мнению же других — в доме наперсника и любимого ученика Господня Иоанна на святом Сионе. Там и прочие ученики Его укрывались из боязни иудеев, там и осызание Фомы после Воскресения, и Сошествие Святого Духа в Пятидесятницы день, и иные несказанные и таинственные вещи совершились.

Оттого и кажется мне более надежным — да оно и на деле таково

— мнение Златоуста, что здесь следует разуместь двух женщин: одну, как сказано у трех евангелистов, блудницу и грешницу, возлившую миро на главу Христа, другую же, ту, что у Иоанна, — сестру Лазаря Марию, только для божественных ног Христовых принесшую его и излившую. Равным образом иное дело две вечера в Вифании и иное Тайная вечеря, и это ясно также из того, что после рассказа о блуднице сообщается, как Спаситель посылает учеников в город со словами: «Пойдите в город к такому-то и скажите ему: Учитель говорит ...у тебя совершу пасху с учениками Моими» (Мф. 26:18). И далее: «и

встретится вам человек, несущий кувшин воды... и он покажет вам горницу большую, устланную, готовую: там приготовьте нам. И пошли ученики Его... и нашли как сказал им; и приготовили пасху» (Мк. 14:13-16, Лк. 22:10-13), то есть пасху законную, бывшую при дверях, и которую Он, придя в горницу, с учениками совершил, как говорит божественный Златоуст. Затем, когда уже и вечеря происходила — подразумевается Тайная, — и в середине ее совершилось божественное омовение ног ученикам, Он, возлегши опять, преподает им за тем же столом нашу Пасху, как говорит златоустый Иоанн,

и это истинно так.

Боговдохновенный евангелист Иоанн, а также Марк сообщили и о разновидностях того мира, назвав его «верным» и «драгоценным». Полагают, что «верное» значит беспримесное, цельное и испытанной чистоты. То было, возможно, наименование лучшего и первого по достоинству мира. Марк добавляет, что женщина от усердия разбила сосуд — который он называет также алавастром — поскольку тот оказался узкогорлым. Это был, как говорит святой Епифаний, стеклянный сосуд, изготовленный без всякой рукояти, который называется «викион». А

миро то составлялось из всякого рода благоуханных веществ, преимущественно же из цветов смирны, душистого киннамона, ириса, ароматического тростника и масла.

Но духовным миром помазанный, Христе Боже наш, избавь нас от страстей, во множестве нападающих, и помилуй, ибо Ты один свят и человеколюбив. Аминь.

3. На часах (после Евангелия)

*Свт. Иоанн Златоуст [Sp.],
О жене грешнице,*

помазавшей Господа миром

Христос, угощаясь у Закхея, достаточно привлекал недавно наши души. Где Христос угощается, возлежит с людьми и пользуется нашим местом и трапезой, там все изменяется в слово радости. Какой мытарь, или блудница, или несказанный злодей, видя, что творец неба и земли приходит к мытарю, податель хлеба берет в руки хлеб человеческий, податель винограда благословляет чаши питья для всех участников, не сознается, что через это делается праздник и торжество? Это поистине праздник, это поистине веселье ангельского пира — видеть, что Владыка с

рабами, Бог с людьми, судья с ответчиками вкушает от общей трапезы. Для того на землю Он пришел, не покинув неба, и человеком сделался, не перестав быть Богом, чтобы, и по морю пlying, извлекать из глубины греха обуреваемых в житейском море, и обходя селения, города, теснины, стези и ристалища, блуждающих на распутьях, как овец без пастыря, возвратить к Своему стаду. Он есть ищущий погибшую овцу, оставивший девяносто девять и отправившийся в поиски за одной. Он отыскивал одну, не пренебрегая многими, и не предпочитая одну множеству; Он покидал девяносто девять, потому

что знал, что они безопасны в овчарне; всюду отыскивал одну, чтобы она не стала пищей для дьявола. Овца без пастыря — готовый обед для зверей; и душа не запечатленная подвержена козням демонским. Поэтому, недавно Закхея, как овцу, он исхитил из пасти волка, присоединил к Своей овчарне и удостоил печати. Как пастырь, желая поймать заблудившуюся овцу, оставляет ручное животное, чтобы оно, свободно пасясь, привлекло отлучившуюся, — так и Слово Божие оставило Свою плоть, которую получило от Девы, как овцу на пастбище, за трапезой Закхея, чтобы, привлекая его общим угощением к

сожителъству, незаметно соединить со Своим стадом. Но, не понимая этого, фарисеи роптали, видя, что Он ест с мытарями. Они, как ветхий мех, разорвались, потому что не могли удержать у себя новаго вина учения, а мы пойдём вслед за человеколюбивым пастырем. Присоединив к апостольскому стаду мытаря Закхея, Он и грешницу блудницу, повинную в неисчислимом нечестии, воротил в незапятнанную овчарню, извлек, как агницу, из пасти диавольской. Чтобы вам знать и человеколюбие Христа, и неразумие фарисеев, и отречение грешницы (от ея прежнего), я предложу вам евангельские

изречения; если вы вслушаетесь в
высокое чтение, то легко усвоите и
толкование. «Некто из фарисеев
просил Его вкусить с ним пищи; и
Он, войдя в дом фарисея, возлег»
 («Моляше же некий от Фарисей
Иисуса, дабы ял с ним: и вшед в дом
Фарисеов, возлеже») (Лук. 7:36). О,
несказанная благодать! О,
неизреченное человеколюбие! И с
фарисеем Он угощается, и мытарей
не отвергает, и блудниц принимает, и
с самарянками беседует, и
хананеянку удостоивает слова, и
кровоточивой уступает край одежды.
Подлинно, Он врач, исцеляющий
всякие страдания, чтобы всем
принести пользу — злым и добрым,

неблагодарным и признательным. Потому и теперь, будучи позван фарисеем, Он входит в дом, исполненный нечестия. Где фарисей, там притон порока, убежище греха, вместилище надменности. И хотя таков был его дом, Господь не лишает его Своего прибытия — и естественно. Как солнце остается без вреда для себя, посылая свои лучи на грязь, напротив, устраняет присущую там мерзость, ничего себе не усваивая отсюда, так и Христос, как Солнце правды, принимает всякое преступное и нечистое место, и истребляет лучами Своей благодати зловоние греха, не терпя, по Своему божеству, ни оскорбления, ни

умаления, ни осквернения. Потому Он легко согласился на призыв фарисея — тихо, молча, без обличения его жизни; во-первых, чтобы освятить позванных, позвавшего, семью, роскошные кушанья, потом, (чтобы) показать возлежанием, вкушением, употреблением хлеба, питьем, что воплощение не было призраком. Он соглашается на призыв фарисея скоро, так как намерена была прийти блудница и показать образ теплого и пламенного покаяния; оплакиванием своего нечестия перед лицом книжников и фарисеев она имела научить их, как грешникам, сокрушающимся о своих грехах,

нужно умилоствивлять Бога. «И вот, женщина того города, которая была грешница» («Се жена во граде, яже бе грешница») (Лук. 7:37). Жена грешница — первая сеть диавола, повод к заблуждению, учитель преступления, помощница, оказывающаяся неприятелем, красота по природе, оказывающаяся злом по своей воле, посредница смерти; она показала красоту древа, и целый рай погубила. «И вот, женщина того города, которая была грешница», обремененная многим нечестием. Я скажу о множестве ее прежнего нечестия, чтобы вам знать ее многоценность. Бог, взяв кость из бока Адамова, сделал ее плотью,

создал Еву, которую дал в помощь Адаму, назвав (ее) женой. Но после греха и нарушения закона, изгнания из рая и наказания смертью, Он устраивает борьбу между браком и смертью, чтобы род (человеческий) не погиб совершенно, истребляясь смертью, (так что) что он сеет, она пожинает, (и) что она посекает, то он произращает. А что после подвержения смерти была дана благодать брака, это очевидно из того, что Адам сочетался с Евой после выхода из рая. Написано, что после выхода из рая Адам познал жену свою (Быт. 4:1). До греха было девство, соблюдающее одежду природы незапятнанной; после

преступления, после суда смерти, был введен брак, чтобы обилием он побеждал истощающую смерть, и насаждением поражал пожинателя. Для преемства рода и произрастания природы был дан закон брака: в мужском (поле) посеяно удовольствие, женский сделан ласковым; не с тем, чтобы они возбуждались к распутному смешению, но чтобы законно сочетались для брака. Отсюда законное брачное смешение честно перед Богом, а совершаемое для удовольствия подлежит смерти: «Брак у всех да будет честен и ложе непорочно; блудников же и прелюбодеев судит Бог» («честна

женитва... и ложе нескверно: блудником же и прелюбодеем судит Бог») (Евр. 13:4). Для чадородия законно смешивающиеся со своими мужьями неповинны, каковы Сарра, Ревекка, Рахиль и подобные; а возбуждающие юношей к распущенности, на основании сладострастия, как истребляющие храм Божий, предаются истреблению: «Если кто разорит храм Божий, того покарает Бог» («аще кто растлит храм Божий, растлит сего Бог») (1Кор. 3:17). Одной из таких была и наша грешница. Торгуя природой и румяня щеки наружной окраской, стараясь при помощи искусства явиться

красивой, она увлекала юношей в распутство, вовлекала их в пропасть блуда. Так говорю, не осмеивая ее за то, что сделала раньше, но хваля ее за то, чем стала, сразу; я говорю, чем она была, чтобы показать, чем сделалась теперь; говорю о ее греховных падениях, чтобы показать правоту покаяния. Она, раньше бесстыдно пользовавшаяся своим телом, когда одних уловляла локонами, других смягчала слезами, иных морочила мазями, всех повсюду призывала в пропасть распутства, — она (теперь) изменяет свою срамную и сладострастную любовь на божественную и небесную. Так как она видела, что Иисус беседует с

самарянок, допускает к Себе хананеянку, объявляет о тайном деле кровоточивой, ест с мытарями, посещает дома фарисеев, то рассуждала сама с собой: «Если Он допускает к Себе блудниц и мытарей и грешников, то (и) я исчерпаю море своего греха, пока уязвляюсь им чрезмерно. Я не останусь юной, не останусь красивой; все проходит, все исчезает — и цветы, и лилии, и красота лица. Зачем же мне страдать за то, что я сделала? Уже я помышляю о геенском огне, уже мою душу объемлет раскаяние, что я старалась явиться красивой на погибель юношам, бегала по городским улицам, площадям,

распутиям, уловляя, как сетью, своими ногами и языком. О, сколько я обольстила юношей, когда нагло поводила глазами, наряжалась на пагубу зрителям, то заплетенными косами придавала голове вид башни, то оставляла сбиваться прядям на лоб, румянила щеки и подрисовывала глаза, иногда проливала слезы, лестью повергая душу в несчастье! Что теперь будет со мной? Кого я найду врачом этих бесконечных страданий? Если людям скажу о самой себе, для меня будет бесполезно это признание. Скрыть худое? Но не могу скрыть: от кого я утаю, будучи не в состоянии утаиться? Куда я убегу, когда всюду

нахожу судью, который, хотя не является, но всюду изобличает мое нечестие? У меня остается одна надежда на спасение, есть впереди одно средство для жизни — признаться Иисусу, и к Нему прибегнуть. Он, принимая мытарей, не отвергает блудницы; едя с фарисеями, не избегает слез грешницы. Я узнала, что Он зашел к Симону фарисею, человеку важному и грешному; побегу к Нему! Но, придя, о чем мне просить? О здравии глаз? Но эта милость недолга. О прекращении болезни? Но счастье не велико: вечная смерть тягостнее настоящей. Оставив все телесное, буду просить исцеления души. Я

найду только тогда разрешение от предстоящих мне зол, если увижу судью, если предварю время наказания. Буду подражать Раав блуднице; последую этому избранному примеру женщины. Бог ничего от нас не желает, кроме перемены воли». Обсудив это благочестиво и остановившись мыслью на вере, она, воспользовавшись прежним бесстыдством, как основой дерзновения, входит к Иисусу, где Он возлежал. И ничего не говорит; не решалась; она раньше знала, что наблюдатель помыслов не нуждается в словах. И что бы она сказала знающему все? Что согрешила? Что

стала повинна во многом нечестии? Что, любя и любясь, послужила удовольствием для всех? Это для Бога было ясно, не только во время совершения, но и в скрытом помышлении души. Зная, что Он все знает, и ничто не может от Него скрыться, она удерживает язык, а говорит слезами: «И, став позади у ног Его и плача, начала обливать ноги Его слезами» («ставши при ногу его... плачущися, начать умывати нозе его слезами») (Лк.7:38). Хотя языком она и не говорила, но невыразимым сетованием открывала сокрушение сердца, торжествовала над множеством грехов, осуждала в себе помыслы, порочные побуждения,

нечистые дела, незаконные беседы. Из худых ее дел ничего не было, чего бы она не оплакивала; она знала, что в чем признавалась, в том получала прощение: «Я сказал: «исповедаю Господу преступления мои», и Ты снял с меня вину греха моего» («рех: исповем на мя беззаконие мое Господеви, и ты оставил еси нечестие сердца моего») (Пс. 31:5). И не только без речи она говорила сердечным сетованием, умиляя Господа, но и видом изображала красоту покаяния. Она плакала, чтобы, как много смеявшейся, омыть худой смех прекрасными слезами; смывала со щек грязь слезами, чтобы, чем

погрешила, оттуда получить и пользу, в чем беззаконничала, тем умилоствивить законодателя. Как Давид омывал слезами постель, которую осквернил беззаконным браком: «каждую ночь омываю ложе мое, слезами моими омочаю постель мою» («измыю на всяку ночь ложе мое, слезами моими постелю мою омочу») (Пс. 6:7), — так и она, увлекавшая своими глазами многих юношей в распутство, смыла несмываемую скверну грехов источниками слез, приготовив сама себе купель покаяния из слез. Слезы для нее служили как бы водой, и отпущение она получила от Христа невидимо. И не только подражая

Аврааму, но даже превосходя его, она омывала ноги Христовы. Он омывал водой, поставив умывальник, и полотенцем отирал; она омывала ноги Иисуса, не воды почерпнув, но источая потоки слез. Из предосторожности не оскорбить греховными слезами святых ног, она, как полотенцем, отерла ноги, пользуясь прекрасными волосами. И было видно, что жена вся и всем старается служить Иисусу. Вверху глаза, как источники, изливали потоки слез; внизу душа, как умывальник, принимала капли, падающие с ног; волосы отирали, в виде полотенца; руки, держа сосуд с миром, помазывали божественные

ноги, чувствуя миром миром: «имя твое — как разлитое миро» («миро изливающее имя твое») (Песн.1:2). Видишь, как превзошла неблагодарный иудейский ум жена грешница, не имеющая части в божественном законе. Они (иудеи) бросали в Него камнями, а она порадовала благовонным миром. Иудеи, как неразумные и непризнательные, платили злом благодетелю, чувствуя краеугольный камень камнями, она же помазала миром ноги, имеющие из-за нее весь день оставаться на кресте. И что я говорю, что она победила неблагодарный иудейский народ, когда она превзошла сонм всех

святых? Она получила благодать, которой не получили цари, ни властелины. «Цари Фарсиса и островов поднесут ему дань; цари Аравии и Савы принесут дары; и поклонятся ему все цари» («Царие Фарсийстии и острови дары принесут, ...и поклонятся ему вся царие земстии») (Пс. 71.10–11). По пророку, и они дали дары, но издали поклонились; никто из них не целовал ног Иисуса. Как пришли волхвы, взяв в помощницы звезду поклонения? Они издали приносили дары, сознавая меру своего чина. «Небо — престол Мой, а земля — подножие ног Моих» (Ис. 66:1). Итак, да хвалится жена, что она получила

честь всей земли; она касалась непорочных ног, пыль с которых будут лизать народы и племена; в теле Христовом она участвовала с Иоанном. Он возлежал на груди, потому что ему нужно было извлечь для себя оттуда божественное учение; а она держала ноги, ходившие за нас. Христос, не судя греха, но хваля покаяние, не наказывая прошедшего, но одобряя будущее, предаёт забвению ее прежнее нечестие, чтит жену и хвалит покаяние, оправдывает слезы и венчает решение. Фарисей, видя чудо, изумляется в душе, и из зависти не допускает покаяния жены; так почтившую Господа порицает, и

достоинство почтенного унижает, осуждая Его незнание: «Видя это, фарисей, пригласивший Его, сказал сам в себе: если бы Он был пророк, то знал бы, кто и какая женщина прикасается к Нему, ибо она грешница» («видев Фарисей, воззвавший его, рече в себе... сей аще бы, был пророк, ведел бы кто и какова жена, которая прикасается ему: яко грешница есть»)(Лк.7:39). О, несмысленный, неразумный и во всем фарисей! Говоря так, ты не нрав жены изобличаешь, но обвиняешь свое произведение, — говоря, что Он не знает, кем некогда была эта жена. Ты не почтил Его приглашением, как Бога, знающего все. Знатный

обвинитель и клеветник! Ты говоришь с Ним, как с Богом, и (как с) могущим благословлять, (но) осуждаешь Его, как человека, и (как) не знающего ничего больше нас: «если бы Он был пророк». И насколько лучше тебя, фарисей, сихемская жена, которая не знала, что Он пророк, и с первого взгляда благоразумно исповедала Его Спасителем: «Господи! вижу, что Ты пророк» («Господи, вижу яко пророк еси ты») (Иоан. 4:19). Насколько удивительна и эта грешница, грех которой ты видишь, а на покаяние не глядишь; даже осуждаешь ту, которую Судья оправдывает, даже упрекаешь и порицаешь ту, которую

Бог, одоблив, венчает, — (венчает) за то, что, видя у тебя Бога возлежащим в образе человека, узнала и почтила (Его), и, открыв душевные раны, просила милости и забвения своей прошлой жизни. Ты почтил приглашением, (но) бесчестишь порицанием, говоря: «если бы Он был пророк, то знал бы, кто и какая женщина прикасается к Нему». Безумец! Так как Он не обличил твоего нечестия, ты осуждаешь Его за незнание; так как Он пришел под твою кровлю, отягченную многим нечестием, ты отказываешь Ему в ведении; так как Он удостоил возлежать с тобой и согласился взять в руки твое кушанье, и не отверг, ты

считаешь Его одним из множества?
Достоин ли ты был оказать
гостеприимство Богу, или
предложить трапезу
приготовляющему трапезу в
пустыне? Но, будучи
человеколюбивым, Он не отказался
принять питье и хлеб даже от твоих
домашних. За что, фарисей,
обвиняешь человеколюбивого
Владыку, одинаково всем дающего от
Своей благодати? Зачем
процеживаешь комара жены, (а)
верблюда своего нечестия
проглатываешь? Желает, чтобы Бог
был долготерпелив к тебе и строг к
ней? Зачем на чужие вины ты
побуждаешь судью, (а) своим

просишь прощения? Зачем вы с Иудой согласились искусить Господа? Ты, будто чистый от скверны, поносишь жену за грех (и) осуждаешь Бога в незнании; он, будто любящий нищих, негодует словами: «к чему трата этого мира? Можно было продать дорого, и раздать нищим» (Ин.12:5). О, неразумная душа! О, неблагодарный нрав! Ты, Иуда, считаешь гибелью служение Христу, и называешь пустой тратой совершенное для чести Божией? Сколько мы дали за то, что получили? Подумаем, Кем создан мир, сколько рек милости текут от Него, — и Бог не считает потерей для Себя это изобилие;

сколько благовоний произращает земля, сколько роз, лилий, стиракса, нарда, стактия и остального, из чего готовится прекрасное миро, — и Бог не считает этого тратой для Себя; а ты ропщешь, что на ноги Христовы возлит небольшой сосуд мира? Задаром ли Он принял это, чтобы тебе роптать? Он принял миро, и объявил о покаянии; принял слезы, и остановил источник грехов. Что за погибель, если спасена жена, через которую заключился рай, через которую Адам извергнут? Но Иуду это опечалило; понятно: ее спасение опечалило диавола. Он знал, что впредь через нее род (человеческий) обратится к покаянию, и терзается и

мучится, не имея впредь сети, которой бы ему уловить человека; отсюда и тебя побудил к ропоту: зачем эта трата, можно бы продать дорого! Уже и продажа, Иуда? Уже ты, начало зла, думаешь о предательстве? Но Иисус не обличает болезни его, не обнаруживает сребролюбия, чтобы не задержалось будущее предательство. Христос всем говорит: «Что смущаете женщину?» («что труждаете жену») (Мф. 26:10)? Зачем вы оуждаете жену, в довершение ее прежнего нечестия? Достаточно женский пол потрудился; никто пусть не препятствует его спасению; никто пусть не осмеивает омывшую миром ноги, ходящие ради

нее по земле. Нищие с вами; возьмите и Меня с ними; для вас Я стал нищим, будучи богатым, чтобы вам обогатиться Моей нищетой. Убиваете Меня, и Я не обвиняю; она погребает Меня, и вы ропщете: «возлив миро сие на тело Мое, она приготовила Меня к погребению» («возлиявши бо сия миро на тело мое, на погребение мя сотвори») (Мф. 26:12). Итак, не стыдно ли тебе Иуда, что она, будучи грешницей, миром Меня чествует, а ты, будучи апостолом, продажей Меня бесчестишь? Жена приготовляет что относится к погребению, (а) ученик предаёт смерти. (Что) грешница эта жена, Я знаю; но у нее нечем было

одарить Меня, как источником слез; источник умилоствует источник, приносит неимущему учителю иную умилоствовительную жертву. Ты одобряешь, безумец, мир, оценивая его в триста динариев; но одобряешь не с тем, чтобы похвалить ее великодушие, что она на покупку мира издержала все свое богатство, худо собранное, но чтобы ропотом показать, что ты, потерявший столько, подпал ненавистному злу. Немного, если досадуешь на потерю трехсот динариев, когда за тридцать отдал Господа! «Что вы дадите мне, и я вам предам Его?» («Что ми хотите дати, и аз вам предам его») (Мф. 26:15)? Несчастный! Раб

продает Господа; извращен порядок: Я покупаю тебя от греха Своею кровью, а ты Меня продаешь за тридцать оболов! Если человек продает Бога (пусть Он отдан ему для продажи), то кто покупатель? За сколько кто купит Бога? Почему так дешево ценишь? Кто продает за тридцать оболов Бога в образе человека? (Продаешь) как раба, как варвара? Рассуди, за сколько (продаешь) внутри живущего Бога и за сколько видимого человека? «Что вы дадите мне?» Что ты желаешь получить? У них нет ничего равноценного Богу. «Они предложили ему тридцать сребренников» ("И поставиша ему

тридесять сребреник»). Кто продает дарового врача за тридцать оболов, — врача, просвещающего слепых, поднимающего к ходьбе хромым? Я это говорю, чтобы наставить твой ум. «Что смущаете женщину» за то, что она почтила между мертвыми свободного, и перед смертью, как мертвого, за то, что миром предвозвестила благодать погребения и воскресения? Ты будешь иметь плодом предательства петлю; а память о ней будет непрестанна, где ни проповедуется Евангелие (Мф. 26:13). Как Он сказал, так и на деле было: миро Аарона и Елеазара прекратилось и его достоинство упразднилось, а сосуд ее

продолжается вечно, имея
неистощимое благоволение памяти.
Это — Иуде, а ропщущему фарисею
Христос так говорил: «Симон! Я
имею нечто сказать тебе» («Симоне,
имам ти нечто рещи») (Лук. 7:40). О,
несказанная благодать! О,
неизреченное человеколюбие! Бог
 совещається с человеком и предлагает
задачу и правило человеколюбия,
чтобы освободить его от порочности.
«Симон! Я имею нечто сказать тебе»,
чего никому из древних не сказал —
ни патриарху, ни пророку, ни
законодателю. Тогда Я требовал око
за око, зуб за зуб, спрашивая правды;
но так как вы не можете носить
правды, то заменяю закон благодатью

и скажу тебе неизреченную тайну. Он говорит: «Скажи, Учитель» («учителю, рцы»). «У одного заимодавца было два должника» («Два должника беста у одного мужа»). Смотри на премудрость Божию: Он умалчивает о жене, чтобы не испортить его ответа. «Один должен был пятьсот динариев, а другой пятьдесят» («Един бе должен динарии пятиюсот и другой... пятиюдесят»). (Лк.7:41). Страшно объяснение: наша жизнь есть запись, где незримо пишутся и помыслы, и дела, и блуждания глаз, и движения души. Но человеколюбивый судья освобождает от страха, разрывая рукопись греха, и

не только разрывая, но и омывая
водами крещения, чтобы не осталось
памяти от прежнего стихийного
нечестия. «Но как они не имели чем
заплатить, он простил обоим» («Не
имущема... има воздати, обема отда»)
(Лк.7:42).

Видишь ли
человеколюбивого ссудителя, как Он
ссужает, и не берет обратно, как Он
непризнательных не цепенит, но
расширяет для них Свою руку? «Но
как они не имели чем заплатить, он
простил обоим»; отпустил потому,
что они не имели, (а) не потому, что
не желали; иное (дело) не иметь, и
иное не желать. Для примера скажу:
Бог ничего от нас не требует, кроме
покаяния; потому Он желает, чтобы

мы всегда радовались и прибегали к покаянию. Если, при нашем желании покаяться, множество грехов показывает слабость нашего покаяния, то мы не выплачиваем долга не от нежелания, но от недостатка. Поэтому Он говорит: «но как они не имели чем заплатить», чтобы показать, что, увидев их желание отдать долг через покаяние, но невозможность по множеству грехов, как человеколюбец, простил им, не за дело, но за произведение освободил от обязанности долга. «Но как они не имели чем заплатить, — не наказав, не пытав, не предав бесчестью, — он простил обоим Скажи же, который из них более

возлюбит его? Симон отвечал: думаю, тот, которому более простил»(Лк.7:42–43). Гляди на досаду фарисея; он увидел, что словом истины заключен; боясь дать окончательный ответ, "думаю" — решил. Господь не мысль его отметил, но, ухватив ответ, говорит: «правильно ты рассудил» («право судил еси»). «И, обратившись к женщине, сказал Симону: видишь ли ты эту женщину? — грешницу, отвергнутую тобой, Мной спасаемую? — Я пришел в дом твой — твой дом, не мой, полон злословия, — и ты воды Мне на ноги не дал» («И обращая к жене, Симонови рече: видиши ли сию

жену? Внидох в дом твой, воды на нозе мои не дал еси») (Лк.7:43–44), на ноги, запыленные для тебя, подъявшие труд, чтобы освободить труждающихся (и) обремененных; ты наполовину почтил: что вверху, тому изумился, а что внизу, тому не послужил. Ты воды не дал на Мои ноги; а она, излив источники слез, смыла нечистоту своего греха. «Ты целования Мне не дал («Ты мне целования не дал еси») — о, если бы и Иуда не совершил предательства целованием! — а она, с тех пор как Я пришел, не перестает целовать у Меня ноги» («сия же, отнелиже внидох, не преста облобызаючи ми нозе»). «Ты головы Мне маслом не

помазал» («Маслом главы моя не помазал еси») (Лк.7:45–46), потому что «елей... грешнаго да не намастит главы моей» (Пс. 140:5), — как тебе было почтить голову, когда ты пренебрег ногами? — сия же и ноги помазала миром, по пророчеству: «Имя твое — как разлитое миро» («миро излианное имя твое») (Песн. 1:2), излианное, (а) не излитое. Так как сосуд иудейского ума был гнил, то из вашего сосуда миро излианное на моих ногах, чтобы через Меня проникла благодать благовоения к язычникам. «А потому сказываю тебе: прощаются грехи её многие» («Егоже ради, глаголю ти: отпущаются ея греси мнози»)

(Лк.7:47), — за то, что ты, приняв Меня в своем доме, не почтил целованием, не послужил помазанием; а она, получившая прощение многого нечестия, почтила Меня, смешав как бы двойной сосуд, слез и мира». Итак, ублажим жену, покрывшую нечестие Евы, грешницу, блудницу, посредницу благ, показавшую образ покаяния и обнаружившую закон человеколюбия, имевшую защитником самого Судью, победившую слезами плач суда. Сколько вас (здесь ни) присутствует, поревнуйте тому, что вы слышали, и возьмите в пример не страсть блудницы к удовольствию, но плач

ее. Удовольствие родило плачь, плач доставляет освобождение. Омойте свое тело не водой, но слезами, помажьтесь не миром, но целомудрием; оденьтесь не в шелковые ткани, но в нетленную одежду спасения, чтобы вам получить ее славу, воссылая благодарность агнцу Божию, берущему грех мира. Ему слава и честь и поклонение, с Отцом и Святым Духом, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.